

Михаил Николаевич Волконский

Темные силы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Николаевич Волконский**
Темные силы / Михаил Николаевич Волконский – М.: Книга по Требованию,
2012. – 198 с.

ISBN 978-5-4241-1649-0

В основе произведений одного из самых известных беллетристов начала XX века князя Михаила Николаевича Волконского - "неофициальная история" XVIII столетия, сплетающаяся из множества скандальных историй, дворцовых тайн, приключений и мистики. Интриги, власть, коварство, любовь и деньги - неизменные составляющие его авантюрно-приключенческих романов.

ISBN 978-5-4241-1649-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Глава I

В отдельном кабинете лучшего петербургского ресторана стоял у окна молодой человек, видимо, в ожидании, стоял, однако, терпеливо, не выказывая никаких признаков досады.

Одет он был по последней моде того времени, как истинный щеголь. Его темно-синий фрак со светлыми плоскими бронзовыми пуговицами был отлично сшит, сидел на нем свободно, но вместе с тем нигде не давал складок и не морщил. Высокое батистовое жабо, обмотанное шелковым галстуком, подпирало ему шею. На светлом двубортном жилете из бокового кармана свешивалась коротенькая широкая часовая цепочка с брелоками. Серые брюки были почти в обтяжку и уходили в голенища лаковых вырезных сапог с шелковыми кисточками.

Стол в кабинете был накрыт на два прибора. На нем стояли фрукты в хрустальной вазе, дорогие вина и в серебряном ведре, во льду, виднелась приготовленная бутылка замороженного шампанского. Закуска, очень разнообразная, была подана отдельно.

Видно было, что молодой человек привык не только не стесняться в средствах, но и умел, что называется, тратить их с известной утонченностью, которая дается своего рода опытом, обыкновенно дорого оплачиваемым. Стоять у окна молодому человеку пришлось недолго. Тот, кого он ждал, вскоре явился.

Это тоже был молодой человек и тоже щегольски одетый по последней моде. Он поспешно вошел и, скидывая перчатки и кладя шляпу, сейчас же заговорил:

— Я опоздал, кажется? Прости, пожалуйста, но, право же, я думал, что успею вовремя...

— Нет, ты вовремя. Я приехал немного раньше нарочно, чтобы распорядиться обедом, — успокоил его ожидавший.

Они поздоровались.

Когда, выпив по рюмке водки и закусив, они сели за стол и им принесли суп в серебряной миске, приехавший позже огляделся по сторонам и, развертывая на коленях салфетку, спросил:

— Скажи, пожалуйста, что за фантазия привела нас сюда в ресторан?

Его собеседник улыбнулся:

— Тебе это кажется странным?

— Ну, конечно. Я понимаю, сюда можно приехать невзначай поужинать или позавтракать, можно, пожалуй, обедать, если дома нет ничего, но ты ведь не в таком положении: у тебя премилый особнячок на Фонтанке, свой повар, и вдруг ты почему-то хочешь кормить меня в ресторане, даже не в клубе, как будто мы не могли там пообедать в крайнем случае?

— Видишь ли, у меня есть на это причины.

— Вполне в этом уверен, но меня удивляет, какие они?

— Мне нужно поговорить с тобой наедине.

— Разве мы не могли это сделать у тебя дома?

— Не могли.

— К тебе приехал кто-нибудь?

— Нет!

— Случилось что-нибудь с поваром?

— Если хочешь — да, случилось...

— Жаль, хороший повар! Я любил обедать у тебя. Что же произошло?

— Произошло то, что ни этого повара, ни «особнячка на Фонтанке», как ты говоришь, у меня больше нет...

— Да не может быть! Ты себе покупаешь новый?

— Нет. Мне пришлось продать все, что у меня было, потому что ту жизнь, которую я вел до сих пор, мне поддерживать будет не по силам...

— Что же? Долги заели?

— Нет у меня долгов.

— Станный ты человек! Русский дворянин — и без долгов! Ты, право, единственный, я всегда говорил, что ты — единственный... Значит, проигрался в карты?

— Нет, дело не в картах.

— То-то! Для того чтобы тебе разориться от карт, нужен солидный проигрыш и о нем непременно говорили бы, а между тем я ничего не слыхал... Ведь судя по тому, как ты жил, у тебя было хорошее состояние.

— Состояния у меня никогда не было. Я получал тысячу рублей в месяц. Вот и все...

— Тысячу рублей в месяц! Это слишком хорошо на одного» Откуда ты их получал?..

— Как тебе сказать? Не знаю...

— Что за пустяки!.. Тысяча рублей в месяц — неизвестно откуда! И это что-то не совсем правдоподобное.

— А между тем это так. Я получал до сих пор по тысяче в месяц, а теперь ничего получать не буду.

— Неприятная перемена — надо правду сказать!.. Но раз ты заговорил со мною о своих делах, рассказывай подробности — они слишком интересны...

— Для этого я и позвал тебя сюда обедать. Видишь ли, мы до сих пор были друзьями и, надеюсь, ими останемся. Так вот слушай. Кроме тебя, у меня никого близкого нет. Я никогда не знал ни отца, ни матери, ни сестры или даже дальних родственников. И ни с кем в жизни, кроме тебя, не сходился. Знаю я почти весь Петербург, но друг — один ты мне...

— Все это прекрасно! Но ведь ты же дворянин и знаешь свое происхождение.

— Да, я дворянин по паспорту и значусь Александром Николаевичем Николаевым... Николаевых слишком много... Родословную свою я никак не мог установить, да и не только родословную, но и ни у кого не мог допытаться, кто же мой отец и мать.

— Ты говорил, что они умерли, когда ты был ребенком.

— Я говорил так, чтобы избежать дальнейших расспросов. На самом же деле я не знаю, умерли они или нет, где они и кто они.

— Разве у тебя нет метрического свидетельства?

— Нет. У меня только паспорт, выданный нашим посольством в Париже. Детство свое я провел там, там же и воспитывался.

— Хорошо, но ведь кто-то должен был воспитывать тебя?

— Меня воспитал старик, которого я звал по имени и отчеству — Иваном Михайловичем.

— Но у него была фамилия?

— В Париже он жил под фамилией Люсли, но я не убежден, что она подлинная.

— Странно! А где этот старик?

— Он умер и умер скоропостижно, от удара. Однако он словно предчувствовал свою смерть. Он призвал меня к себе и передал мне пакет с тем, что если что случится с ним, то я должен этот пакет распечатать и поступать сообразно данным там мне указаниям. Я знаю, что через неделю он умер.

— И ты распечатал пакет?

— В нем были паспорт, чек на двадцать тысяч франков и письмо. В письме мне было сказано, что я должен оставить Париж, отправиться в Петербург и устроиться там на эти двадцать тысяч франков и что затем я буду получать ежемесячно по тысяче рублей через банкирскую контору... Все так и было. Как оно ни кажется тебе странным — мне все это представлялось совершенно естественным и казалось, что так и будет всегда продолжаться. Однако в прошлом месяце управляющий сказал мне, что выдает деньги в последний раз и что больше я получать их не буду. Обстоятельства изменились. Я почему-то лишился выдачи и никаких других объяснений мне дано не было. Как я его ни расспрашивал — ничего не смог от него добиться.

— Что же ты теперь намерен делать?

— Не знаю. Поступлю на службу, буду жить на жалование. Я успел составить кое-какие знакомства, авось помогут. Вообще надо будет предпринять что-нибудь.

— Да. Но тебе тяжело покажется так круто изменить свою жизнь... Ты привык к известной обстановке, к известному обществу.

— Я надеюсь, что общество, в котором я был принят, не отвернется от меня только потому, что я обеднел. Дурного я ведь ничего не сделал!

— Ну зачем такие слова: «отвернется» и прочее. Дело в тебе самом. Тебе самому трудно будет бывать там, где ты бывал до сих пор. С маленькими средствами поддерживать такие знакомства совершенно невозможно. Ну так возьми вот; ведь мы с тобой друзья.

— Я думаю, что друзья.

— И я тебя очень люблю. А между тем, как ты думаешь, мыслимы ли будут прежние отношения между нами?

— Отчего же нет? Я не понимаю...

— Как же ты не понимаешь?! Это так просто. На твое грошовое жалование, которое ты рассчитываешь получать, дай Бог тебе просуществовать так, чтобы иметь самое необходимое — прямо скажу, чтобы не умереть с голоду. Не могу же я, однако, только потому, что у тебя не будет средств, бросить свои привычки? Я буду по-прежнему выезжать и бывать в театрах, и обедать, и ужинать в холостой компании... На это у тебя денег не будет, и ты волей-неволей отстанешь от меня. Конечно, это ужасно, мне тебя жаль от всей души, но таковы обстоятельства. Говорю я это потому, что считаю тебя умным человеком и другом, именно, говорю как другу...

— Постой, как же это так? Ты считаешь меня своим другом, а между тем хочешь разойтись со мной...

— Да я не хочу разойтись. Пойми ты! Напротив, мне будет недоставать тебя в нашей компании, но что делать, если ты должен выйти из нее не имея средств?

Согласись, я не виноват в этом! Ведь не могу же я платить за тебя! У меня нет такого состояния, да и ты сам, наверное, не пожелаешь...

— И это — твое последнее слово?

— Да не мое, это — слово благоразумия. Ведь мы не дети, чтобы относиться к таким серьезным вещам легкомысленно. Надо понимать, мой друг...

— Я понимаю, — проговорил вдруг с внезапно изменившимся, побледневшим лицом разоренный, обездоленный судьбой Николаев. — Я понимаю, что вы, граф Савищев, которого я до сих пор считал своим другом, не стоили этого, потому что вы — мелкий и жалкий человек. Лучше всего оставьте меня и уйдите...

Он встал и, вытянув руку, указал на дверь...

Граф Савищев вскочил со своего места. В первую минуту он вспыхнул весь, но сейчас же сдержал себя, улыбнулся, пожал плечами и пробормотал, как будто про себя:

— Ну вот как люди меняются в новом положении! Достаточно было лишиться средств, чтобы начать ругаться совсем по-мещански...

Он быстро схватил свою шляпу и вышел из комнаты, ничего не сказав на прощанье.

Глава II

Время, в которое жил Александр Николаевич Николаев, или, как звали его в приятельском кругу, просто Саша Николаич, было временем чувствительных стихов, томных взглядов, беззаветной веры в идеалы любви и дружбы, в сродство душ; временем альбомов, храмов в парках, разбитых урн под плакучими березами, сувениров, медальонов с хитро сплетенными, таинственными литерами из волос — словом, всех атрибутов господствовавшего тогда сентиментализма.

Александр Николаевич, может быть, в силу своего до некоторой степени исключительного положения был одним из самых восторженных.

Судьба сложилась для него так, что само его существование представлялось романтическим. Разумеется, это не могло не повлиять на него, и он, с одной стороны, был разочарован вообще, а, с другой, верил, что на свете есть душа, которая тоскует по его душе и которую он должен найти, и есть идеальный человек, способный для него на самоотверженную, беззаветную дружбу.

Тоскующей души он еще не нашел, хотя приглядывался ко многим девушкам, что же касается дружбы, то в этом отношении он был уверен, что обрел то, что искал, в лице графа Савищева.

Поэтому понятно, что должен был испытать Саша Николаич, когда сообщил графу о происшедшей перемене в своих денежных делах, а тот вовсе не оказался на высоте своего положения. Понятен так же и тот повышенный, выспренный тон, с которым Саша Николаич прогнал Савищева, театральным жестом указав ему на дверь.

Когда граф вышел, Саша Николаич, оставшись один, опустил голову и закрыл лицо руками.

Тяжелые минуты переживал он. В самом деле, лучший друг изменил ему именно тогда, когда была нужна его поддержка.

Николаев не сознавал, разумеется, что в действительности граф Савищев был обыкновенный смертный, самый заурядный и что он сам, Саша Николаич, в своем воображении наделил его какими-то особенными качествами.

Как бы то ни было однако, разочарование оказалось болезненным и заставляло страдать неподдельной скорбью.

— О Господи! — вздохнул Саша Николаич, но тотчас же поднял голову и отнял руки от лица. Ему почудилось, что кто-то вошел.

Он не ошибся. Перед ним стоял некий господин, совершенно ему незнакомый.

Внешность этого господина, хотя и вполне приличная, даже изысканная, все-таки с первого взгляда не внушала симпатии. Особенно неприятными казались его угловатые, как будто заостренные уши, рыжие волосы с начесанным коком и зеленовато-серые глаза. Его одяние: манишка, жабо, галстук — было безукоризненным.

— Что вам угодно? — спросил удивленный Саша Николаич, видя, что незнакомец не выказывает желаний уходить как человек, ошибшийся дверью, а, наоборот, продолжает смотреть на него с явным намерением вступить в разговор.

— Я хотел бы поговорить с вами, — заявил незнакомец и, не ожидая приглашения, без церемоний подошел к столу и сел. — Я потому, — пояснил он, — решаюсь беседовать с вами, что мой разговор будет вам полезен и, может быть,

выведет вас из того затруднительного положения, в котором вы теперь находитесь. Потерять тысячу рублей ежемесячного дохода и очутиться внезапно ни с чем — штука плохая.

— Откуда вы знаете это, и кто вы такой? — опять удивился Саша Николаич, широко открытыми глазами глядя на незнакомца.

— Видите ли, — заговорил тот, — я мог бы сейчас сочинить какую-нибудь историю, более или менее сложную, доказывающую мое всеведение, или что-нибудь в этом роде. Дело тут очень простое. Я сидел рядом и слышал весь разговор с бывшим вашим другом. Там слышно каждое слово...

Он показал на запертую дверь, соединявшую кабинет, где они сидели, с соседним.

— Так что же вы, собственно, хотите? — продолжал недоумевать Саша Николаич.

— Помочь вам и больше ничего.

— Помочь мне? В каком это смысле?

— В самом непосредственном. Если мы сойдемся с вами — вы будете так же получать тысячу рублей в месяц как и до сих пор.

— От кого?

— Не все ли вам равно?

— Однако...

— Да ведь получали же вы до сих пор деньги неизвестно откуда?

— Но это меня ни к чему не обязывало. А вы говорите, что я должен в чем-то «сойтись с вами».

— Да, разумеется, это необходимо. С вашей стороны потребуются исполнение некоторых условий...

— Каких же?

— Не очень замысловатых: слушаться меня и беспрекословно исполнять мои требования...

— Что за вздор! — усмехнулся Саша Николаич. — Вы, вероятно, выпили лишнее и говорите пустяки.

Незнакомец усмехнулся и переспросил:

— Отчего же пустяки?

— Да ведь как же! Вы хотите, чтобы я исполнял ваши требования и слушался вас, когда я даже понятия не имею, кто вы такой и откуда вы.

— Но это не даром, Александр Николаич... Ведь тысяча рублей в месяц!

— Вы знаете мое имя? — невольно воскликнул Александр Николаич.

— И фамилию тоже, — подтвердил незнакомец. — Вы — Александр Николаевич Николаев. Я вас встречал и раньше, только нам до сих пор познакомиться не пришлось... Так ведь тысяча рублей в месяц!.. Подумайте!

— Да и думать нечего! — решительно сказал Саша Николаич. — Оставьте меня в покое! Ни на какие сделки из-за ваших денег я не пойду!..

— Я ожидал этого, — словно обрадовался незнакомец, — иначе с первого раза вы ответить и не могли...

— Тогда зачем вы начали этот бесполезный разговор, если заранее знали мой ответ?

— Я знаю, что с вами случится в более или менее отдаленном будущем.

— И что же?

— Вы придете ко мне и будете более сговорчивым, чем теперь.

— Послушайте, это дерзость!

— Нисколько. И опять-таки вовсе не предвидение или всеведение, а простой расчет. На всякий случай я вам оставлю свою карточку, тут написан мой адрес.

— Да уйдите вы от меня! — не выдержал Саша, наконец. — Оставьте меня в покое, мне, право, не до вас теперь и не до ваших расчетов!

Наглая, упорная назойливость этого господина взбесила его.

Незнакомец не настаивал больше. Он вынул карточку, положил ее на стол и выскользнул из комнаты, словно его тут и не было.

Саша Николаич встал и дернул за сонетку, чтобы позвать лакея. Когда тот явился, он заплатил ему по счету и, не взглянув даже на лежащую на столе карточку незнакомца, ушел из ресторана.

Глава III

Весть о случившемся с Николаевым крутом изменении денежных обстоятельств разнеслась быстро, так что в тот же день вечером, заглянув в клуб, он там увидел совершенно иное отношение к себе.

Молодые люди, его недавние приятели, не встретили его по обыкновению радостными восклицаниями, а держались с ним как-то конфузливо, разговаривали отрывками и звали его полностью по имени и отчеству, а не просто Саша Николаич как прежде. Старики, то есть более почтенные и важные члены клуба, те и вовсе не замечали его или же только кивали головой, не подавая ему руки. Среди всех этих людей не нашлось ни одного, который отнесся бы к нему сочувственно.

Главной причиной тут было вовсе не то, что Николаев лишился средств, — это имело лишь косвенное посредствующее влияние.

От Александра Николаевича отвернулись потому, что он был без роду и племени, а держал себя в обществе словно имел видную родню, не замечал, что ему теперь нужно быть потише, имея одних знакомых, а родственников — никого, и что скрывал от них это раньше. Теперь же это всплыло.

Поусердствовал, разумеется, оскорбленный Сашей Николаичем граф Савищев. После сцены в ресторане он направился прямо в клуб, чтобы спросить себе там обед, потому что еда с Сашей Николаичем для него была прервана в самом начале и насытиться он не успел. Здесь, в клубе, Савищев сейчас же стал рассказывать, что известный всем Николаев на самом деле просто-напросто авантюрист, с которым нужно быть осторожным, он рассказывает историю о каких-то якобы тысячах рублей, получавшихся им неизвестно откуда, а теперь будто бы отнятых у него, но это едва ли вероятно. Вернее же, он просто добывал свои средства темными делами, а теперь боится попасться и потому бросает прежние занятия, уверяя, что разорился. Во всяком случае, факт тот, что этот неизвестно откуда взявшийся человек — нищий и водиться с ним надо с осторожностью.

Граф Савищев также говорил обо всем убедительно, и его словам было больше веры потому, что именно он до сих пор был ближе всех к Николаеву.

Новость явилась очень интересной, стала быстро передаваться, и все говорили только о ней.

— Вы слышали, Николаев-то...

— Какой Николаев?

— Да этот, Саша Николаич...

— А, Саша Николаич! И что же он?

— Да оказался авантюристом, чуть ли не шулером...

— Не может быть!

— Да вот граф Савищев рассказывает, подите к нему...

И шли к графу Савищеву, и тот снова рассказывает и, повторяет свои доводы, злобствуя на прежнего «друга».

Пущенное вовремя словцо «авантюрист» тоже сделало свое дело, окончательно и сразу испортив репутацию Саши Николаича.

Словом, когда он поздно вечером заглянул в клуб, там уже все были восстановлены против него, и ему только оставалось пожалеть, зачем он явился сюда.

Он понял, что это работа графа Савищева, почувствовал к нему еще большее омерзение, но не стал так или иначе рассеивать впечатление или объясняться. Ему было все равно.

Такое же отношение, как и в клубе, встретил Саша Николаич во всех других местах. В театре его не замечали, на улице отворачивались от него. Если и принимали где-нибудь, то очень сухо, а в большинстве случаев ему отвечали, что «дома нет». Даже в тех домах, где недавно еще за ним ухаживали, как за богатым женихом, теперь он находил двери запертыми.

Попробовал было Саша Николаич обратиться к лицам влиятельным, которые его знали и были к нему благосклонны, но и в них произошла перемена. Он объяснял им свое положение, они его молча выслушивали, качали головами и говорили, что ничего сделать не могут.

Саша Николаич был настолько наивен, что просил сам за себя, воображая, что этого достаточно, и не понимая, что в особенности в таком городе, как Петербург, для того чтобы получить что-нибудь, нужна прежде всего протекция, то есть чтобы просили другие.

У Саши Николаича кроме самого себя «других» не было никого.